

АНАЛОГИЯ, *или обнаружение подобия явлений*

В обычном смысле слова АНАЛОГИЯ (греч. Analogia — соответствие, соразмерность) — это нахождение сходства между предметами и явлениями в каком-либо отношении. Использование аналогий при чтении научных книг является основой для выдвижения догадок, гипотез, умозаключений. Аналогия в этом случае позволяет переносить знания об одном предмете на другой. Достоверность вывода возрастает, если между предметами устанавливается сходство не по внешним, а по существенным признакам. Аналогии включают в систему научного мышления, например, при моделировании. Вместе с тем, аналогия широко используется при чтении художественной литературы как одна из составляющих образного мышления.

В литературном произведении, как и в реальной жизни, мы имеем дело с множеством явлений. Когда путем размышлений, ассоциаций, сравнений приходим к установлению по каким-либо признакам сходства явлений, мы производим аналогию. (Курьезный пример поисков аналогий нам привел А.Чехов в рассказе "Лошадина фамилия". Герои его искали прямого сходства фамилии с лошастью. И все неудачно. А правильная аналогия в данном случае была опосредованной. Искомая фамилия оказалась — Овсов.)

Петербургский ученый А.М. Левидов, автор книги "Литература и действительность", обратил внимание на определенное сходство между Чацким и Чичиковым в том аспекте, что они оба не находят другого выхода, как требовать себе карету, бежать куда-нибудь подальше. В том и другом случае их бегству предшествовала сплетня. И там и там она фантастически росла. Ситуации явно совпадают. Однако они совпадают только в конкретности. Что касается сущности этих явлений, то она далеко не идентична. Как говорит пословица: если два человека делают одно и то же, то они делают не одно и то же. Чацкий бежит из Москвы, потрясенный, ошеломленный тем, что увидел здесь. Чичиков же бежит, чтобы не быть пойманным с поличным. В этом примере аналогия произведена по сходству внешних проявлений. В иных произведениях и иных случаях она может быть установлена по сходству сущности, по тому, что не лежит на поверхности. Так, Добролюбов, отметив разницу

личностных характеристик героев, обнаружил внутреннее родство Рудина, Печорина, Евгения Онегина и ряда других персонажей классической русской литературы на том основании, "что над всеми этими лицами тяготеет одна и та же обломовщина, которая кладет на них неизгладимую печать бездельничества, дармоедства и совершенной ненужности на свете".

Нахождение сходства между персонажами разных произведений и разных авторов — наиболее часто встречающийся вариант читательских аналогий.

Другим распространенным вариантом возникающих в процессе чтения художественной литературы аналогий является нахождение сходства личности самого читателя, или других известных ему людей, с личностью литературного героя. Макар Девушкин, персонаж повести Достоевского "Бедные люди", сравнивая себя с Самсоном Выриным ("Станционный смотритель" Пушкина) в письме пишет: "Живешь и не знаешь, что под боком там у тебя книжка есть, где вся-то жизнь твоя как по пальцам разложена... Ведь я то же самое чувствую, вот совершенно так, как и в книге. Да я и сам в таких же положениях подчас находился, как, примерно сказать, этот Самсон Вырин, бедняга. Да, сколько между нами-то ходит Самсонов Выриных, таких же горемык сердечных!". Близкую этой мысль высказал современный писатель В. Приемыхов в предисловии к книге "Двое с лицами малолетних преступников": "Я люблю Пятнадцатилетнего капитана, Гека Финна, капитана Сорви-голова только за то, что они напоминают мне какого-нибудь Ваську, Петра или меня самого".

В этом плане большую роль играют персонажи классических произведений, ставшие нарицательными. Посредством их характеризуют реальных людей. Горький говорил: "Всякого луна мы называем — Хлестаков, подхалима — Молчалин, лицемера — Гартюф, ревнивца — Отелло и т.д.". Но для того, чтобы найти сходство, разумеется, надо знать объекты сравнений, суметь разглядеть в них схожие черты.

Большое значение для актуализации аналогий имеют те конкретные обстоятельства, в которых находится читатель. В воспоминаниях Маршака есть эпизод, рассказывающий о его восприятии повести Пушкина "Дубровский". Он читал ее как раз в тот период, когда помещик Ляковский жестоко обманул его отца. И в сознании юноши незаметно слились помещик Троекуров с помещиком Ляковским, а Владимир Дубровский — с его отцом.

"Правда,— пишет Маршак,— отец не стал атаманом разбойников и ничем не отомстил вероломному подполковнику, но события, происшедшие в действительности, и эпизоды пушкинской повести так тесно переплелись между собой, что и до сих пор живут в моей памяти рядом". Можно допустить, что в другое время и при других жизненных обстоятельствах такого "переплетения" пушкинских героев с реальными людьми в аспекте обмана могло бы и не возникнуть.

Сказывается на возникновении аналогий и внутреннее состояние читателя в момент восприятия, опыт его переживаний. Показателен в этом плане пример, изображенный в романе немецкого писателя У. Плещдорфа "Новые страдания юного В." Молодому человеку конца 20 века попался роман Гете "Страдания юного Вертера". Просмотрев роман и увидев, что и лексика в нем устаревшая, и поведение героя совсем не похоже на современное, и атрибуты жизни совсем иные, читатель сделал вывод: "Чушь одна". Но прошло время, этот юноша влюбился, и любовь оказалась не разделенной, как у Вертера. И вот тут-то рука юноши снова потянулась к книге Гете. Сходство положения и душевных переживаний, застенчивая нежность соединили героя романа Плещдорфа с героем романа Гете. Впечатление оказалось потрясающим. Стремление разобраться в переживаемой драме и явилось в данном случае стимулирующим фактором обращения юноши к отвергнутой им ранее книге.

По тонкости читательских аналогий мы можем судить о художественной одаренности читателя, его культуре. Примечателен факт из воспоминания Чарли Чаплина. На заре своей артистической деятельности он впервые осмелился попросить работу, отвечающую его призванию. Свое душевное состояние при этом он сравнил с состоянием героя Диккенса: "Я почувствовал себя как Оливер Твист, попросивший добавки". Проведенная им аналогия красноречивее всяких других объяснений говорит о самочувствии Чаплина, обратившегося с личной просьбой маленького человека к вышестоящему лицу. Аналогия помогла одаренному юноше выразить себя через художественный образ. Сказалось глубокое знание и прочувствование им романа Диккенса, способность к психологической идентификации с литературным героем.

Приведенные примеры аналогий взяты нами из взрослой литературы и произведены взрослыми людьми. Это не означает, что читающие дети не способны на подобные открытия. **В рамках сво-**

его читательского багажа уже двухлетние дети проявляют способность к нахождению параллелей. Одна мама рассказывает, что ее малыш, увидев на книжной картинке Мука из сказки Гауфа, воскликнул: "Ой, смотри, нос как у Буратино?". На примитивном уровне находить сходство между реальным предметом и изображенным в книге способны даже дети, еще не умеющие говорить. Мама читает малышу: "Уронили мишку на пол", и тот, сообразив сходство, приносит из соседней комнаты плюшевого мишку. У трехлетних детей обнаружена способность к установлению аналогий между персонажами и реальными людьми уже на уровне характеристик. Как рассказывает профессор Н.Е.Добрынина, ее внуки, Анна и Кирилл, слушая сказку С.Михалкова "Три поросенка", нашли сходство Нуф-Нуфа с Анной, а Ниф-Нифа с Кириллом. А когда бабушка спросила: "А я — волк? Они ответили: "Нет, ты Наф-Наф".

Чем старше ребенок, чем обширнее репертуар прочитанных им книг, тем больше предпосылка для возникновения аналогий. У вдумчиво читающих младших школьников в отзывах и суждениях можно встретить довольно глубокие сравнения. Так, третьеклассница, прочитавшая сборник сказок Андерсена, заметила внутреннее сходство между Гердой из сказки "Снежная королева" и Элизой из сказки "Дикие лебеди". Хотя эти героини внешне и по возрасту различны, как различны и те обстоятельства, в которых они действуют, но между ними много общего. И не только в том, что они обе спасли дорогих им людей. (Герда спасла друга, Элиза — братьев). Та и другая проявили мужество и волю в преодолении препятствий на пути к цели, готовность к самопожертвованию во имя других. Именно на эту общность характеров героинь Андерсена и указала девочка. Такого рода аналогии свидетельствуют о глубоком восприятии прочитанных произведений и о способности читателей к размышлениям над явлениями, лежащими за рамками непосредственного восприятия.

Изучение детских читательских впечатлений у людей, ставших позже талантливыми писателями, показывает, что они довольно рано проявили способность к нахождению существенных аналогий между читаемыми произведениями и реальной жизнью. Размышления над литературным произведением и окружающей действительностью сливались у них нередко в единый процесс. Литература, соотнесенная с жизнью, становилась ключом к познанию людей и социальных явлений. Одно из подтверждений этому мы

нашли в опыте детского чтения Горького. Читая повесть О.Бальзака "Евгения Гранде", подросток обнаружил, что герой повести, старик Гранде, во многом похож на его собственного деда Каширина. Их объединяла скупость, мелочность, жестокость. Вместе с тем, повесть помогла мальчику глубже понять своего деда, увидеть в нем то, чего он раньше не видел, не знал в нем. Важно заметить, что книги открывали будущему писателю не только характеры окружающих людей и тайны их взаимоотношений. Они открывали ему вместе с тем законы литературы, вырабатывали критерии оценки художественных произведений. В повести "Детство" он рассказал, что был в ту пору очень увлечен романами Дюма-отца. Он "глотал" их один за другим. Это невольно заставляло его сравнивать прочитанные книги. Вскоре он понял, что они однообразны. О любви все герои, мужчины и женщины, говорили одними и теми же словами. "Это однообразие, — пишет Горький, — становилось не только скучным, но и возбуждало смутные подозрения". Смутные подозрения касались художественной состоятельности прочитанных романов, верности отражения в них социальной действительности и психологии людей.

Аналогии, зарождающиеся в сознании читателя в процессе восприятия, открывают путь к самопознанию. При сравнении себя с литературными героями, при обнаружении сходства, возникает "эффект узнавания". Порой он поражает читателя, как, например, поразила юного Чуковского обнаруженная им идентичность его самого с героем повести Чехова "Моя жизнь". "Мне почудилось, — говорит он, — будто эта жизнь и вправду моя, словно я прочитал свой дневник, жизнь неприкаянного юноши девяностых годов. И рассказ "Володя" был весь обо мне, так, что даже стыдно было читать его вслух".

Говоря об аналогии как элементе культуры чтения, надо отметить, что существуют литературные жанры, специально рассчитанные на установление аналогий. К ним относятся басни, притчи, мифы — жанры, в основе которых лежат аллегии, то есть иносказания, содержащие намеки на что-либо другое. В баснях, например, под видом животных изображаются люди с их пороками: лицемерием, ханжеством, жадностью, тупостью. В притчах изображаются конкретные события, имеющие обобщающий характер, и каждый думающий читатель способен перенести их смысл на свою жизнь и жизнь окружающих людей. То же самое можно сказать и о мифах, герои которых — греческие боги, олице-

творяющие определенные человеческие качества — мудрость, силу, воинственность, трудолюбие и т.д. Сравнивая реальных людей с теми или иными богами, читатели находят и в реальных людях аналогичные черты.

Читательскую способность при восприятии произведений отбрасывать конкретность и находить общность в абстрактном А.М. Левидов назвал "подстановкой". С этой точки зрения большинство примеров аналогий, приведенных выше, есть не что иное, как подстановка. Целый букет подстановок мы обнаружили в отзыве ученика третьего класса на сказку Ф. Зельтона "Бемби". В матери и отце олененка Бемби мальчик узнал своих собственных папу и маму, а в состоянии опадающих осенью листьев — грусть и печаль старых людей, прощающихся с жизнью, в себе же он нашел что-то от лягушонка. С полным правом мы можем назвать подстановкой и следующее сочинение его сверстника, в котором сравнивается Золушка с Гадким утенком: "Оба сначала были несчастны, их не любили, с ними плохо обращались, но они терпели. Но в конце обоим улыбнулось счастье. Они оказались лучше всех". Чтобы произвести такого рода аналогию, ребенок должен был, прежде всего, перенести страдания и радости утенка на человека, отбросить конкретность, различающую героев, сравнить их друг с другом, найти одинаковые черты и сходство судеб.

Путь ребенка от простых аналогий к подстановке — трудный путь. Преодолевают его только думающие читатели. Иногда подстановка удается читателю лишь в результате неоднократного перечитывания произведения. Пример такой "удачи" мы встретили в рассказе М.Бременера "Толя-Трилли". Речь в нем идет о мальчике, которому довелось в фильме по рассказу А. Куприна "Белый пудель" играть роль барчука Трилли. Сначала мальчик у себя с персонажем ничего общего не находил. Трилли капризный, взбалмошный, истеричный. Играющий эту роль мальчик — совсем другой: выдержанный, спокойный. Однако, по мере углубления в характер барчука, мальчик все больше и больше начинал осознавать, что между ними больше сходства, чем различия. Различия оказались только внешние, а сходство — внутреннее. Тот и другой — закоренелые эгоисты. Нелегкий путь к подстановке, проделанный отчасти и с помощью режиссера, оказался у начинающего актера путем к исправлению самого себя. Подобные ситуации можно найти и в рассказах других писателей: "Прощай, Миледи" М. Имбрагимбекова, "Дик Сенд" Е. Масс, "Старый мореход" В. Драгунского.

В каждом из них показано, как рождается и углубляется в сознании читателя сходство персонажа с живым человеком.

Говоря об аналогиях, надо подчеркнуть одну характерную их черту: они всегда приблизительны и никогда не тождественны объекту. По какому бы признаку аналогия не производилась, она схватывает предмет лишь частично. Это во многом объясняет тот факт, когда одна и та же книга, даже конкретный персонаж или отдельный случай, изображенный в литературе, способны вызывать разные аналогии у разных людей. Предусмотреть их заранее невозможно. Неисчерпаемость аналогий обеспечивает долгую жизнь классическим произведениям, которые читаются и перечитываются многими поколениями людей. Нахождение аналогий — один из важнейших побудительных мотивов чтения. Вот почему развитие у детей аналогового мышления на материале литературы — составная часть педагогики чтения.

В арсенале библиотечной методики можно встретить приемы, специально нацеленные на активизацию разного рода читательских аналогий. Среди них задания на поиски общего в литературных героях. Интересный пример игры с такого рода заданиями мы обнаружили в опыте петербургского школьного библиотекаря Татьяны Андреевой. Игра названа ею "Брейн-ринг". Детям предлагается ряд пословиц, в соответствии со смыслом которых надо подобрать известных детям персонажей. Например: "Смелость города берет", "Золото и в грязи блестит", "Дружное стадо и волк не берет", "И нашим, и вашим за копейку спляшем". Характерен и другой прием: библиотекарь называет ряд произведений, имеющих сходство в каком-либо отношении, и вставляет в этот перечень инородное. Задание детям — объяснить, есть ли что-то общее в этих произведениях, и обнаружить среди них лишнее. По этому же принципу строится цепочка персонажей. Например: Гингема, Урфин Джюс, Баба-яга, Буратино: кто в этой компании лишний и почему? Ту же цель преследует задание: продолжить перечень названных персонажей по принципу сходства: Капитан Врунгель, Мюнхгаузен, Незнайка — кто еще?

На более глубокие читательские аналогии нацеливают детей библиотекари города Озерска Челябинской области, разработавшие программу "Читаем, думаем, творим", в которой большое место занимают обсуждения литературных произведений с детьми младшего школьного возраста. Разрабатывая вопросы к разным произведениям, авторы считают необходимым создавать "пере-

кликну" между ними. Так, обсуждая рассказ А. Куприна "Белый пудель", они предлагают детям вспомнить рассказ писателя Н. Ггарина-Михайловского "Тема и Жучка", найти то общее, что роднит их, сравнить нравственные позиции героев, их поведение в сходных ситуациях, высказать к ним свое отношение. Возникшее в последние годы новое направление в работе библиотек, названное библиотерапией, во многом строится на личностных аналогиях. В ее основе лежит установка на развитие у читателей способности соизмерять свой внутренний мир духовным миром персонажей литературных произведений, черпать у них жизнестойкость, находить в них поддержку в решении жизненных и психологических проблем.

ЛИТЕРАТУРА:

Асмус В.Ф. Аналогия // Избранные философские труды: В 2 Т.: Т.1.— 1969.— С.301-307.

Левидов А.М. Жизнь художественного образа // Литература и действительность. — Л.: Сов. писатель, 1987. — С. 317-346.

